

А. С. Андреева

НЕМЕЦКОЕ РАЗГОВОРНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена описанию словообразования немецкой разговорной речи с точки зрения стилистического аспекта. В статье рассмотрены словообразовательные средства и на основании детального анализа фактического материала, а также на примерах разговорной лексики представлен комплексный обзор немецкого разговорного словообразования, позволяющий получить достаточно наглядное представление о системе немецкого разговорного словообразования в целом.

Разговорная лексика является неотъемлемой частью речи каждого человека. Разговорная лексика очень объемна и многослойна. С одной стороны это лексика сильно отличающаяся от литературного языка своей эмоциональностью, экспрессивностью и стилистической маркированностью. С другой стороны, это речь насыщенная просторечиями и включающая в себя нейтральные речевые единицы.

Среди различных источников формирования и обогащения словарного состава немецкой разговорной лексики первостепенная роль принадлежит словообразованию, поскольку оно располагает широким спектром способов словопроизводства и богатым инвентарём словообразовательных средств. При этом система разговорного словообразования отличается от системы словообразования немецкого языка в целом различным удельным весом как отдельных способов словообразования, так и отдельных словообразовательных средств.

Усиление процесса проникновения разговорных слов в лексическую систему литературного стандарта обусловлено ролью, которую играет разговорный субъязык в настоящее время. Разговорная речь считается сейчас наиболее выраженной формой существования современного немецкого языка. Разговорные средства, и прежде всего лексика, все чаще используются в текстах литературного языка как в устной, так и в письменной форме. В настоящее время разговорная речь используется представителями всех слоев общества для решения самых разнообразных коммуникативных задач. Носитель языка ежедневно участвует в коммуникации в различных сферах и ситуациях и при этом без труда переключается на соответствующий способ выражения, или стиль речи. Это приводит к уподоблению, переносу особенностей одной сферы коммуникации на другую [1, с. 264].

Стилистический аспект для характеристики разговорного словообразования имеет особое значение, поскольку очевидна функционально-стилистическая отмеченность словообразовательных моделей, действующих в разговорной сфере. Словообразовательная система предусматривает функционирование определенных правил и норм, нарушение которых приводит к образованию единиц, воспринимаемых как нечто необычное, выходящее за рамки общепринятого. Намеренное нарушение норм в разговорном словообразовании служит средством выражения экспрессивности, проявляющейся в оригинальности и меткости образуемых словообразовательных конструкций. Благодаря своим моделям словообразование играет важную роль при придании словам *коннотации*, как в более широком, так и более узком смысле этого слова, если под коннотацией понимать два вида «сопутствующей информации», заключенных, помимо понятийных признаков называемого предмета, в семантике слова: 1) «сопутствующая информация» о сфере употребления слова в зависимости от социолингвистических, функционально-стилистических, хронологических и локальных особенностей (коннотация социальных связей языковых знаков); 2) «сопутствующая

информация» об эмоционально-оценочной установке использующего языковой знак для названия отраженного предмета (коннотация эмоционально-аффективной оценки).

В нашем случае важны оба вида, поскольку, во-первых, речь идет о социально обусловленной разговорной сфере и, соответственно, присущих ей стилевых особенностях (коннотация 1); во-вторых, словообразование в обиходно-разговорной сфере как в никакой другой подчинено принципам экспрессии (коннотация 2). Таким образом, действие словообразовательных моделей обуславливает во многих случаях появление одновременно обоих видов коннотации: *Zahnklemmer* – зубной врач (разговорное слово с пейоративной коннотацией). [2, с. 254]. Коннотация возникает вследствие как модификации, так и транспозиции, в результате процессов (**псевдо**)уменьшительности (*Pummelchen* – пышечка, толстوشка, *Ständchen* – небольшой разговор со встречным), **усилительности** (*Affenhitze* – зверская жара, пекло, *Erzgauner* – архиплут, отъявленный мошенник), **интенсификации** (*Pfundsidee* – прекрасная идея, мысль, *Sauwirtschaft* – безхозяйственность, страшный беспорядок), **повторения** (*Telefoniererei* – телефонная будка) и **подчеркивания образно-интенсифицирующих признаков** (*Glückspilz* – счастливчик, баловень судьбы, *Drahtesel* – шутил. велосипед).

Коннотация может быть **мелиоративной** (положительной, более высокой) или **пейоративной** (отрицательной, более низкой): *Männli* – ласкат., мальчик; муж, *Weinle* – ласкат., очень хорошее на вкус вино; *Fadian* – зануда, *Wütererich* – буян. Следует отметить, что одна и та же модель может выражать и положительную, и отрицательную оценку: *Doofte* – ласкат., маленький мальчик, но *Buffke* – хам, олух. Даже более того, одно и то же слово может нести в себе одновременно две противоположные коннотации – мелиоративную и пейоративную: *Blitzmerker* – 1) сообразительный человек, 2) ирон., медленно, плохо соображающий человек, *Eierkopf* – 1) дуралей, 2) ученый, интеллигент.

Ведущая роль в создании пейоративов принадлежит совместно со словообразованием **метафорическим и метонимическим сдвигам**. Следует отметить, что метафорический сдвиг совместно со словообразовательным процессом может превратить какой-либо элемент в средство пейорации. Так, элемент *after*, имея буквальное значение расположенный в пространстве (во времени) за чем-либо, используется в качестве префиксоида в переносном значении плохой, ложный: *Afterbildung* – плохое образование, но *Afterreue* – запоздалое раскаяние [3, с. 39].

Наглядность, выразительность, экспрессивность, эмоциональность, стремление значений облечься в живую плоть метафоры, образность выделяются как общие характерные особенности непринужденно-разговорного стиля. Чтобы выразить отвлеченные идеи, разговорный язык постоянно изыскивает какие-то точки соприкосновения с чувственным миром, прибегает к сравнениям и образам. Образность, свойственная разговорной лексике в целом, является отличительной чертой и многих словообразовательных конструкций. Выражению чувств служат самые разные языковые средства, в том числе, и не в последнюю очередь, словообразовательные.

Говоря о разговорной лексике, нельзя пройти мимо такого специфического проявления экспрессивности, как **«комизм»**. Слова, в основе которых лежит комизм, являются, как правило, броскими, яркими, привлекают внимание своим остроумием, особенно иностранных исследователей. В основе комизма лежит своеобразная оценка обозначаемого предмета, выражающаяся в особом к нему отношении, в частности, шутилом, ироническом или насмешливом. Наличие в разговорном немецком языке множества комических образований объясняется, в том числе, допущением словообразовательных вольностей. Алогичность, несуразность, абсурдность, как результат соединения несопоставимых элементов при наличии прагматической установки на шутку, иронию, насмешку, особенно ярко проявляются в **словосложении**.

Так, не могут не вызвать улыбку существительные *Puddingabitur* – аттестат женского

среднего учебного заведения, *Kummerspeck* – полнота, которой обрастают с тоски, утешаясь едой, *Zitterprämie* – надбавка за риск, *Bäckware* – дефицит, товар из-под прилавка.

Комизм может создаваться и за счет, наоборот, **сочетания равнозначных компонентов с целью усиления смысла** (шуточная тавтология): *Plasiervergnügen* – колоссальное удовольствие. Сочетаясь с гиперболизацией, словосложение ведет, как правило, к образованию слов-иронизмов: *Lobeshymne* – хвалебный гимн, *Pantoffelheld* – муж-подкаблучник, *Kathederbläse* – ораторский «перл».

Как правило, словообразование в словах с комическим эффектом сопровождается **семантической деривацией** (образование значений многозначного слова). При этом встречаются композиты как с частичным, так и с полным переосмыслением значения. В первом случае речь может идти о переосмыслении либо первого компонента композита (*Eselsschule* – школа для придурков, *Katzentisch* – стол, накрытый отдельно от общего стола, *Onkelehe* – неоформленный брак), либо, что бывает гораздо чаще, второго компонента (*Seelenmassage* – уговоры, утешения, *Bierleiche* – пьяный вдрызг, *Seelenklo* – человек, выслушивающий терпеливо чьи-либо душевные излияния). Полное переосмысление, т.е. и первого и второго компонента композита, имеет место в словах: *Brauereigeschwür* – очень толстый живот, *Feiertagsmedizin* – бутылка хорошего вина, *Teutonengrill* – пляж, которому отдают предпочтение немцы, *Elefantenhochzeit* – слияние двух крупных предприятий.

Ирония может возникнуть и при стыковке немецких словообразовательных элементов с немецкими же производящими основами, если они несут в себе противоположный ценностный заряд. Так, при присоединении суффикса *-bold*, придающего производящей основе уничижительный оттенок, к существительному *Tugend* – добродетель полученное производное слово *Tugendbold* приобретает шутливо-ироническую коннотацию и может быть переведено на русский язык как ходячая добродетель [4, с. 41].

Следует отметить, что в образовании разговорной лексики с комическим эффектом, выражающимся в основном в иронично-насмешливом отношении (часто в сочетании с оттенком пренебрежительности / презрительности) к обозначаемому денотату, принимают участие многие **полуаффиксы**, например, **полупрефиксы** *Affen-* (*Affentheater* – балаган), *Dreck-* (*Dreckarbeit* – паршивая работа), *Hunde-* (*Hundelohn* – жалкая зарплата), *Laus(e)-* (*Lausnest* – жалкий городишко), *Mist-* (*Mistblatt* – газетенка), *Sau-* (*Sauklaue* – каратели), *Bier-* (*Bieridee* – дурацкая идея), *Stink-* (*Stinkgeschizft* – сомнительный бизнес) и др., **полусуффиксы** *-bruder* (*Schnapsbruder* – пьяница), *-fritze* (*Quasselfritze* – пустомеля), *-held* (*Raufheld* – драчун), *-hengst* (*Karrierehengst* – карьерист), *-liese* (*Zimperliese* – недотрога), *-meier* (*Quatschmeier* – брехун), *-peter* (*Lügenpeter* – врун) и др. Сама семантика многих полуаффиксов ориентирована на достижение комического эффекта. То же можно сказать и в отношении некоторых общеупотребительных **суффиксов**, в частности, *-bold* (*Juxbold* – проказник), *-chen* (*Frächtchen* – шалопай), *-ei* (*Kneiperei* – шатание по пивным, *Cheferei* – родители), *-ian* (*Fadian* – зануда), *-lein* (*Mömmlein* – мужичонка), *-ling* (*Winzling* – ничтожество), *-rieh* (*Zitaterich* – человек, цитирующий себе во благо), а также разговорно маркированных суффиксов, в частности, *-er* (*Damerl* – беспомощный мужчина), *-i* (*Hirni* – тупоголовый), *-ke* (*Buffke* – хам), *-sche* (*Doktorsche* – докториха), *-se* (*Tripse* – секретарша, сопровождающая босса в поездках). Реже это можно сказать в отношении немецких **префиксов**, в частности, *erz-* (*Erzbanause* – законченный невежа) и *un-* (*Untyp* – отвратный тип) [5, с. 252].

Таким образом, подводя итоги исследуемого материала, можно сделать заключение, что немецкая разговорная лексика находится в настоящее время в стадии активного развития, когда она наполняется новыми словами, выражениями и оборотами, основным источником которых является именно словообразование. Среди наиболее типичных сфер языкового взаимодействия следует выделить формирование немецкой разговорной лексики за счет пополнения лексического запаса путем взаимного влияния

разговорной лексики с другими пластами лексики немецкого языка, посредством словообразовательных приемов, а также путем семантических переосмыслений.

Литература

- 1 Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М.: Высшая школа, 1984. – 350 с.
- 2 Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 290 с.
- 3 Савинкина Н. Б. Пейоративное словообразование в современном немецком языке / Н. Б. Савинкина. – М., 1985. – 288 с.
- 4 Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Языкознание: научн.-метод. журн. – 2004. № 5. – С. 41–44.
- 5 Антропова, Н. А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики / Н. А. Антропова. – М.: Прометей, 2005. – 305 с.

УДК 94(476):327(476+4)

Т. В. Арешкова

БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ГГУ им. Ф. СКОРИНЫ

Статья посвящена изучению белорусского вопроса в работах сотрудников кафедры всеобщей истории. В ней систематизируются полученные в ходе долгих исследований выводы по данной проблеме, указываются основные аспекты изучения. Особое внимание уделяется научным работам Г. Г. Лазько и А. М. Кротова, проводится их историографический анализ.

Всю свою историю белорусское государство являлось объектом внешней политики соседних государств. Начиная с 1991 г. началась история развития белорусского народа в условиях независимого государства. Геополитическое положение Беларуси обусловило то, что она в различные периоды своей истории становилась полем международно-политической борьбы различных государств. Изучение их политики по отношению к белорусским землям стало одним из направлений научных исследований кафедры всеобщей истории ГГУ им. Ф.Скорины.

Г. Г. Лазько изучает место Беларуси в политике большевистской партии в период становления революции. Северо-западное отделение РСДРП(б), которое стремилось стать единственным представителем власти на белорусских землях, постоянно ставило под сомнение даже сам факт существования белорусов как отдельного этноса. Вследствие этого в официальных кругах вырабатывалось отрицательное отношение к национальному белорусскому движению [1]. В период, когда создавались другие социалистические республики, такие как Литовская, Латвийская и Украинская, Белорусская Социалистическая республика так и не была создана. Анализируя доклады советских партийных деятелей, Г. Г. Лазько делает вывод, что «белорусское направление рассматривалось советским военным и политическим руководством как менее важное в стратегическом отношении в сравнении с другими». Белорусская социалистическая республика будет создана в период «мирной передышки» как гарантия нового поворота во внешней политике Социалистической России [2].